
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.34

Гжегож В. КОЛОДКО,
*профессор Варшавской академии предпринимательства и менеджмента
имени Леона Козьминского,
руководитель Исследовательского центра
по проблемам трансформации, интеграции и глобализации
(Варшава, Польша)*

НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ, ИЛИ ЭКОНОМИКА УМЕРЕННОСТИ *

Показано, что экономическая теория является не только средством интерпретации прошлого и анализа настоящего, но и инструментом познания и формирования будущего. Она должна осветить развитие неизбежных в будущем социально-экономических процессов в их связи с культурой и технологиями, политикой и окружающей средой. Будущее – за основанными на знаниях политикой и стратегией устойчивого экономического, социального и экологического развития. Новым поколениям нужна экономика умеренности вместо экономики или дефицита, или избытка. Обоснована необходимость нового стратегического подхода к будущему, который автор называет “Новым Прагматизмом”.

Ключевые слова: рост, развитие, мир, глобализация, будущее, экономическая стратегия, “Новый Прагматизм”.

Grzegorz W. KOŁODKO,
*Professor of L. Kozłowski Warszawa Academy of Entrepreneurship and Management,
Head of the Research Center on Problems of Transformation, Integration, and Globalization
(Warszawa, Poland)*

A NEW PRAGMATISM OR THE ECONOMY OF MODERATION

It is shown that the economic theory is not only a means of interpretation of the past and that of analysis of the present, but it is also a tool of cognition and formation of the future. This theory will clarify the development of socio-economic processes, which will be inevitably running in the future, and their connection with culture, technologies, policy, and environment. The future will belong to the policy and the strategy of a sustainable economic, social, and environmental development. The new generations will require the economy of moderation instead of the economy of deficit or excess. The necessity of a new economic approach, which is called “New Pragmatism” by the author, to the future is substantiated.

Keywords: growth, development, world, globalization, future, economic strategy, “New Pragmatism”.

Как совместить практический подход к экономике с принципиальностью? Можно ли быть одновременно хозяйственным прагматиком и человеком с принципами? И стоит ли? И можно, и стоит. Если мы хотим, чтобы мир будущего был

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положили академик НАН Украины В.М. Гец и член-корреспондент НАН Украины А.А. Гриценко статьей “Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)” // Экономика Украины. – 2013. – № 6. – С. 4–19.

миром спокойствия и гармоничного развития (а ведь мы очень этого хотим!), следует в процессы экономического восстановления внести новые ценности, но при этом ни на минуту нельзя забывать о прагматизме, который является фундаментальным, непреходящим признаком рационального ведения хозяйства. Нужен прагматизм, способствующий многокультурности и происходящий из той системы ценностей, которая, в свою очередь, способствует глобализации, социальной сплоченности и сбалансированному развитию.

Здесь нет противоречия, поскольку имеет место хорошо развитая тождественность между главными ценностями, лежащими в основе общественных процессов ведения хозяйства, а также его экономическими целями. В обеих трактовках самое важное — это сбалансированное долгосрочное общественно-хозяйственное развитие, в основе которого — три составляющие:

1) рост, сбалансированный в экономическом плане, то есть касающийся рынков товаров и капитала, инвестиций и финансов, а также рабочей силы;

2) рост, сбалансированный в социальном плане, то есть базирующийся на справедливом, общественно принятом распределении доходов, а также соответствующем участии основных групп населения в общественных услугах;

3) рост, сбалансированный в плане экологии, то есть основанный на сохранении соответствующих соотношений между хозяйственной деятельностью человека и природой.

Таким образом, не нужно приносить на алтарь безотлагательных конъюнктурных или тактических дел базовые принципы, следует подчинить этим принципам стратегическую практическую деятельность. Этот императив определяет путь эволюции политической экономии будущего. Хорошая экономика — это не только описание мира, это также инструмент для его изменения к лучшему.

Соотношение доходов имеет принципиальное значение для продолжительного во времени экономического роста. В частности, ему способствует их уравновешенное распределение. Такой вывод опирается на компаративистские исследования длительных наблюдений и является неопровержимым. Более стабильный экономический рост присущ странам с относительно низкой степенью неравномерности в доходах. Мало того, там соотношение доходов имеет большее значение для экономической динамики, чем либерализация торговли и качество политических учреждений [1]. Уже это утверждение подсказывает, на что именно политика развития должна особое внимание обращать в будущем.

Огромное значение имеет возможность реализации двух целей “одним выстрелом”, причем первая из них — социально уравновешенное распределение доходов — служит средством для реализации второй, то есть экономического роста. Эту зависимость не сумели и не хотели понять неолиберальная экономическая мысль и основанная на ней экономическая политика, а потому, ведя к серьезному кризису, они сами себя разрушили. Не сумела понять эту зависимость также экономическая мысль, отображающая постулаты государственного капитализма, в силу чего он тоже не имел лучезарного будущего. Пришло время Нового Прагматизма.

Мы несколько не игнорируем соперничество неолиберального капитализма с государственным капитализмом, но вместе с тем не эта дихотомия будет иметь принципиальное значение для будущего: ее форму предрешит результат конфронтации обеих этих систем современного капитализма с социально-рыночной экономикой в форме Нового Прагматизма. Главная линия столкновения проляжет между неолиберализмом, стремящимся вернуть себе силы и позицию, а также враждебным по отношению к нему государственным капитализмом и концепцией аутентичного обще-

ственно-экономического прогресса. Его плоды должны быть доступны широким массам, а не только узким кругам, которые руководствуются частными интересами, а также их хорошо оплачиваемым лоббистам в политике, медиа и “науке”. Ни одна из систем, в которой большинство населения пребывает в экономически неблагоприятных условиях и стоит на грани социального “маргинеса”, а узкие группы, называемые “элитами”, в то же время купаются в чрезмерном богатстве, не имеет перед собой перспективного будущего.

И что знаменательно: даже оплот экономической ортодоксии, которым в течение многих лет был МВФ, признает, что политика преодоления кризиса в высоко развитых странах – как в США, так и в Европейском Союзе – должна сосредоточиться на повышении налоговых поступлений (в первую очередь, со стороны более состоятельных слоев населения), а не на урезании бюджетных расходов (прежде всего, адресованных более бедным его слоям). Стоит сразу добавить, что увеличение фискальных поступлений не должно везде и всюду сводиться к поднятию налогов, поскольку этой цели можно достигать также путем ликвидации налоговых льгот и совершенствования механизмов взыскания причитающейся суммы. В результате все это влечет за собой изменения в структуре конечного спроса и уменьшение масштаба диспропорций в доходах, что, в свою очередь, способствует ограничению как причин кризиса, так и его последствий.

Такой же итог достигается в тех типах экономики, которые эмансипируются перераспределением доходов. Оно, в свою очередь, приводит к уменьшению неравномерности в распределении доходов и в результате способствует экономическому развитию.

Более того, при определенном уровне национального дохода и минимизации его неравномерного распределения можно добиться большего роста общественного удовлетворения, чем даже при условии его *количественного* роста. Эта подсказка для экономической политики имеет основополагающее значение – в конечном итоге, не только для политики, но и для воспитательно-дидактической системы. Чем больше люди будут это понимать, тем легче им будет двигаться в подобном направлении. Но одновременно существует риск, что политика, основываясь на таком тезисе, вместо того, чтобы быть прагматичной, может оказаться популистской. Еще большая трудность заключается в том, что прирост продукции измерить достаточно легко; что же касается степени удовлетворенности населения, то ее оценками легко манипулировать.

Можно существенно повысить степень общественного удовлетворения, снижая коэффициент Джини касательно того или иного пункта, – вместо того, чтобы на несколько процентов взвинчивать традиционно просчитанный ВВП. В будущем экономическая политика вынуждена будет все чаще прибегать к таким действиям. Это будет легко, поскольку, с одной стороны, безусловный уровень производства и потребления будет постоянно расти, а с другой – еще больше повысится нынешняя степень неравномерности в распределении доходов. Иначе говоря, при рассмотрении проблемы неравенства из такой ситуации всегда можно найти выходы. Поскольку в бедных странах еще многие годы наибольшее значение будет иметь экономический рост, то в большинстве богатых стран (за исключением общественных рыночных экономик, которые характеризуются низкой степенью неравномерности в распределении доходов) – соответственно, целенаправленные изменения в их распределении.

Мало того, необоснованным неравенствам, возникающим вследствие патологии распределительных отношений, необходимо решительно противодействовать,

поскольку они ослабляют взаимное доверие между людьми, что, в свою очередь, вредит общественному капиталу, без которого процессы развития не возможны [2]. Если доверием не наделяются разные профессиональные и социальные группы, если общество не испытывает доверия к власти, а она отвечает ему взаимностью, если предприниматели не доверяют друг другу, то общественный капитал, вместо того, чтобы приумножаться, разрушается. В экономике — как в семье: даже если денег достаточно, но доверия не хватает, то дела обстоят плохо.

А как складывается ситуация с накоплением капитала? Ведь он необходим для нормального функционирования экономики, и прежде всего — для инвестирования в модернизацию существующих и создание новых производительных сил. Разве короткая шкала доходов не ослабит склонность к экономии, а следовательно — к созданию капитала и его инвестированию в лучшее будущее? Ничуть.

Нет ни эмпирических, ни теоретических доказательств того факта, что в экономиках с более однородной структурой доходов больше экономят и меньше инвестируют. Достаточно проследить течение соответствующих процессов в сфере формирования капитала в Австрии, Франции, Скандинавских государствах и других странах с приближенной к этой точке зрения характеристикой, чтобы удостовериться, что их более эгалитарные общества сумели экономить не меньше, чем в странах с более элитарными моделями распределения доходов.

Для подтверждения данного тезиса предлагаются выводы, которые несложно сделать из сопоставления экономик с так называемым “большим или меньшим государственным участием”. В течение нескольких десятков лет (1960–1995) в странах с малым, приблизительно 30-процентным, участием государства в перераспределении национального дохода (и связанными с этим большими неравномерностями в его распределении) уровень инвестиций, то есть их процент в ВВП, составлял в среднем 20,7%, а в странах с широким масштабом бюджетного перераспределения, с приблизительно 50-процентным участием государства в перераспределении ВВП (и связанными с этим относительно меньшими неравномерностями в распределении доходов), — в среднем 20,5%. Как видим, практически нет никакой разницы. Можно иметь одинаковую способность к формированию капитала, что решает вопрос об экономическом росте в будущем, при менее неуравновешенном распределении доходов, что свидетельствует об удовлетворенности состоянием экономики сегодня. И это является важной установкой экономической политики Нового Прагматизма. Именно так должно видаться будущее.

Неустанный рост человеческих потребностей с сопровождающим их непреодолимым стремлением к удовлетворению — это обоюдоострый меч. Перешагивая многие барьеры и перманентно стимулируя хозяйственную конъюнктуру, он является неликвидным звеном процесса расширенного воспроизводства, то есть экономического роста. Вместе с тем этот меч выступает разрушительной силой, поскольку умеет затуманивать разум, исказить предпочтения, провоцировать предосудительные свойства и впоследствии внедрять в ведение хозяйства иррациональные элементы.

Серьезную проблему представляет собой неукротимый рост потребительских запросов. Глубокий кризис слегка ослабил их и немного переместил во времени. Этот феномен — результат определенной системы ценностей. С тех пор, как несколько веков назад человечество вырвалось из оков простого воспроизводства (когда размер и условия производства и потребления воссоздавались от периода к периоду без изменений) и перешло к количественному росту, потребности остаются неудовлетворенными, несмотря на постоянно растущее производство.

В прошлом достаточным для жизни человека был такой объем производства, как, например, год назад, а сегодня главным приоритетом является количество — чем больше, тем лучше. Но действительно ли лучше? Говорят, что аппетит приходит во время еды, но это господствующее экономическое “обжорство”, а вместе с ним — хозяйственная “тучность”, приводят к многочисленным общественным патологиям. Экономике, как и другим здоровым организмам, нужна “рациональная диета”. Экономике будущего нужна умеренность.

Кроме роста удовлетворения потребностей, существует еще более высокий темп развития самих потребностей. Что мы получаем в итоге? Несмотря на постоянный экономический рост, разрыв между потребностями и их удовлетворением все равно увеличивается. Хотя мы имеем больше, лучше нам все равно не становится. По своей сути эта проблема психологическая, но она имеет огромные экономические последствия. В свое время я определил такой синдром как “парадокс низшего уровня удовлетворения потребностей при высшем уровне потребления” [3]. Поставленную проблему необходимо решить, в противном случае эта вечная погоня за количеством производимых товаров будет продолжаться, что приведет к истощению окружающей природной среды и общественному хаосу, но удовлетворенность от потребления так и останется на прежнем уровне. Тогда для чего такие жертвы?

Прежняя логика общественного процесса воспроизводства заключается в автономно растущих потребностях владения и потребления разнообразных товаров, что стимулирует рост их производства. Одновременно растут доходы, за которые можно приобретать производимое и пользоваться теми или иными услугами. Растут также сами потребности, которые в эпоху консюмеризма, как правило, удерживаются выше уровня их удовлетворения. Следовательно, возникает определенное состояние напряженности, которое выступает как движущей силой экономического роста, так и причиной недовольства из-за существующего положения вещей. Если потребности растут быстрее, чем удовольствие от их потребления, то увеличивается также индивидуальная и общественная фрустрация. Есть только один способ избежать этого синдрома — замедление темпа роста потребностей.

Теоретически можно постулировать ускорение темпа роста производства, но по уже хорошо известным нам причинам практически это невозможно, а аксиологически — не показано. Более того, из сущности нынешней формы механизма воспроизводства следует, что ускорение экономического роста влечет за собой еще большее ускорение нарастания потребительских appetitов, а система вновь возвращается к этому же синдрому.

Как постулирование нулевого роста является экономическим нонсенсом, так и общественный нонсенс — пускать проблему потребительских потребностей на самотек. Традиционная экономика предполагает, что потребности не ограничены, и в принципе вообще не занимается этой категорией, а сосредоточивается на исследовании факторов, формирующих эффективный спрос, и следовательно — только на потребностях, которые могут быть удовлетворены, поскольку поддерживаются реальной покупательной способностью. Если ты хочешь иметь новейший iPad, то это потребность. Если у тебя есть, за что его купить, то это спрос. Если же ты хочешь его приобрести, но не имеешь средств для такой покупки, то ты не являешься предметом заинтересованности для узко представленной экономики. А вот когда необходимые деньги найдутся, ты станешь объектом ее исследований.

Можно сузить подход к делу и заниматься исключительно тем, как создать спрос, чтобы можно было продать то, что мы умеем производить. Но ведь лучше расширить поле размышлений и найти ответ на вопрос, какие из потребностей и

как побуждать, чтобы тем самым мотивировать людей к получению образования и более производительной работе, что в будущем будет приносить высокие доходы и, как результат, пользоваться бóльшим спросом. Поэтому становится очевидным, что современная экономика не может не заниматься механизмами формирования потребностей и способами их удовлетворения. Этим больше интересуются такие ее направления, как бихевиоральная экономика и некоторые общественно ориентированные течения экономической мысли.

Исследование потребностей — их характера и структуры, приоритетов и предпочтений — необходимо с точки зрения управления развитием реального сектора экономики. Ведь со временем существенная часть потребностей становится спросом. На многие потребности, которые на микроэкономическом уровне будет стараться распознать маркетинг и которые исследует экспериментальная экономика, нужно посмотреть как на потенциальный спрос. Пока его на рынке нет (или он существует в форме “торговой выставки”, то есть сам этот процесс можно сравнить с гулянием по торговым пассажирам, чтобы посмотреть, “что предлагают”, и пометать, что можно было бы купить, если бы было за что), но со временем он может там появиться. Естественно, это не просто вопрос времени, скорее — это результат роста реальных доходов покупателей или изменений в их потребительских предпочтениях. Таким образом, мы выяснили, что часть потребностей — это потенциальный спрос, который станет реальным, и нужно заблаговременно знать, каким реальным предложением придется его уравновесить.

Если речь идет о смартфоне нового типа, то его нужно оставить исключительно рынку, если же об услугах здравоохранения или развития механизации, — то будет очень кстати, если государство учтет импликации грядущих изменений в бюджетной и инвестиционной политике.

Очевидно, что с течением времени наши желания и стремления будут меняться и соответственно изменятся предложения. Пребывая под давлением постоянного разрыва между потребностями и стремлениями, с одной стороны, а также удовлетворением и владением — с другой, мы будем мотивированы на поиск дополнительных доходов, поскольку повышение стандарта жизни потребует увеличения расходов. Если мы не можем получить больше и лучше сегодня, то мы постараемся достичь всего этого завтра. Следовательно, экономика будущего — это не экономика состояния, а экономика изменений.

Дело необыкновенно сложное со всех точек зрения — этической, психологической, общественной, экономической, юридической, политической. Ведь людям нельзя запретить стремиться владеть чем-то, как и нельзя приказывать им чего-то хотеть. Это была бы реальность Оруэлла. Естественно, есть исключения, когда ситуацию необходимо контролировать, особенно там, где имеют место негативные внешние эффекты потребления (например, в случае с наркотиками, огнестрельным оружием или необузданным азартом). Следовательно, в общественных интересах, чтобы потребности такого рода контролировались и изживались, нужно организованной деятельностью предотвращать их распространение. Но некоторые потребности полностью контролировать не удастся.

Для примера можно рассмотреть “сухой закон” в США в 20-е годы XX в. Его отменили из-за того, что он был признан неконституционным. Иначе говоря, людям не понравилось, что вместо них принимают решения о том, употреблять им алкоголь или нет. Но есть сферы, которые просто необходимо очень жестко контролировать: например, нельзя допустить либерализацию рынка наркотиков и порнографии.

Именно поэтому, с учетом общепризнанных ценностей, во многих сферах на законодательном уровне вводятся те или иные ограничения, чтобы приглушить эскалацию потребностей в какой-либо из них, но вместе с тем запускаются механизмы “черного рынка”. Между тем некоторая толерантность в Голландии в отношении “мягких” наркотиков повлекла за собой спад спроса на вредные “твердые” одурманивающие средства. Опыт Дании свидетельствует, что либерализация рынка порнографии поспособствовала спаду сексуальных преступлений. С точки зрения основной культурной и воспитательной цели, применение исключительно строгих запретов приводит к ограниченному эффекту, а иногда — и к отрицательным побочным последствиям. Значит, такое направление не совсем верное.

Куда же следует двигаться? Сам рынок никогда не оказывает сопротивления этому вызову, то есть нужны определенные общественные организации, и прежде всего — государство с его регулированием, а также инвестициями в человеческий капитал, поскольку чем выше обусловленный этим уровень общественного сознания, тем интеллигентнее станет формирование собственных потребностей. Стоит отметить, что образование оказывает принципиальное влияние на характер потребностей. Вместе с ростом образования потребности перемещаются в сторону культурных благ и услуг. Когда доходы растут, а уровень образованности — нет, это имеет определенные последствия для экономики. Вспомним классический пример: меньше водки — больше книг. Первую потребность стоит ограничивать, а вторую — культивировать, применяя с этой целью фискальные инструменты.

На вопрос о том, каким образом этого достичь, педагог ответил бы так: путем образования и воспитания. Священник не сомневался бы, что дело в совести, формирующей привычки и личность. Психолог порекомендовал бы культивирование соответствующих черт характера. Социолог посоветовал бы создать привлекательные образцы общественных взаимодействий, которым можно подражать.

А что должен сделать экономист? Неолиберал знает: оставить все как есть и дальше рассказывать разные небылицы о том, что и чистильщик обуви может стать миллионером, или о том, что в настоящее время каждый выпускник школы бизнеса будет Крезом. Зато честный экономист подойдет к делу прагматично: сначала попробует разузнать как можно больше информации обо всех упомянутых дисциплинах, чтобы затем предложить механизм действий в виде треугольника развития, главными вершинами которого будут ценности, учреждения (институты) и политика, и ни на минуту не забудет, что то, чего люди хотят, в огромной мере зависит от того, что они знают.

Уменьшить разрыв между нарастанием субъективных потребностей и объективными возможностями их удовлетворения не удастся без соответствующих переоценок в сфере индивидуальных и социальных стремлений. Не удастся также уменьшить этот разрыв без соответствующих регулирований, блокирующих экспансию “негативных, плохих” потребностей и рассудительно содействующих “хорошим” (таковым может стать стимулирование интереса к спортивной активности или к чтению книг). Все это не удастся сделать без “смычки” с конкретной политикой, где особое значение имеет недопущение чрезмерного имущественного расслоения общества.

Возьмем конкретный пример. Пока все соседи ездили на работу на “Фиате”, ни один из них не нуждался в “Мерседесе”. Когда некоторые из них пересели в “Мерседес”, остальные испытали острую потребность сделать то же самое. Это классический эффект демонстрации. В индивидуальном случае он может мотивировать к повышению квалификации и поиску лучше оплачиваемой работы, а в макромас-

штабе — ведет к тому, что, кроме национального дохода, растет и недовольство людей, хотя раньше большинство из них добиралось на работу на общественном транспорте.

Хочу отметить: мои рассуждения не служат призывом к какому-либо антимотивационному эгалитаризму. Они лишь подчеркивают значение общественно уравновешенного распределения доходов (то есть такой их дифференциации, которая, принципиально отражая вклад отдельных личностей и их групп в создание национального дохода, гарантирует их справедливое и эффективное участие в его распределении).

Опять же обратимся к наглядному примеру. Много говорится о несомненных достоинствах планшетного компьютера и о том, что он необходим большому количеству людей. Его имеют многие в США, немало — в Польше, немного меньше — в России, еще меньше — в Китае и почти совсем не имеют на Кубе. В случае исследования общественного мнения оказалось бы, что чаще всего недовольство из-за “невладения” планшетным компьютером испытывают в Польше — в несколько десятков раз больше, чем на Кубе. Главная причина этой ситуации — наличие данного устройства у меньшего количества людей, а следовательно, и недовольных меньше. Что мы получаем в итоге? Недостаточность эффекта демонстрации (по крайней мере, сегодня). С течением времени потребность в планшетном компьютере на Кубе тоже возникнет, но реальных перспектив ее удовлетворения пока нет и не следует ее “раздувать”. Затем наступит момент, когда люди (не важно, на Кубе или в Польше) начнут покупать планшетные компьютеры, поскольку сами научатся или производить их, или с рентабельностью продавать за границу какую-либо продукцию, чтобы иметь, за что их импортировать. Такая потребность разовьется сама, без телевизионных клипов, полосных газетных реклам или больших билбордов, которые стимулируют скорее больные эмоции, чем здоровые усилия.

Да, амбиции нужны — как отдельным личностям, так и целым народам. Без амбиций трудно зайти далеко и подняться высоко. Но когда амбиции носят гипертрофированный характер и не подкреплены возможностями, человек испытывает разочарование из-за невозможности их удовлетворить, которое может перерасти в настоящую депрессию. Избыток амбиций не содействует развитию, а препятствует ему. Есть принципиальная разница между амбициозными видениями и наивными иллюзиями. Именно первые из них должны быть присущи руководителям всех уровней, чьи стремления должны обладать реальным культурным и экономическим потенциалом, а не превращаться в пустые популистские обещания.

Естественно, что общества и народы всегда стремятся “догнать” если не сразу Японию, то, по крайней мере, более богатого соседа. Мексиканцы мечтают о том, чтобы стать вторыми Соединенными Штатами Америки, словаки хотят, чтобы у них было так же хорошо, как в Австрии, эстонцы сравнивают себя с Финляндией, а вьетнамцы намереваются обогнать Таиланд. Однажды даже в PNG University в Порт-Морсби меня спросили, когда в Папуа-Новой Гвинее будет такой же уровень жизни, как в Австралии, а каирская журналистка хотела узнать, что я думаю о политиках Египта, объявляющих о том, что смогут “догнать” Турцию на протяжении семи лет. Это и есть мегаломания, ведь в таком случае за обозначенный период потребовалось бы удвоить ВВП на 1 жителя Египта (нереалистичное основание), при условии (также нереалистичном), что в Турции одновременно будет наблюдаться полная стагнация, — тогда как там из года в год очень хорошо развивается конъюнктура.

Желание подняться вверх служит одной из важнейших движущих сил нивелирования развивающихся отличий. Но когда на определенный промежуток времени

формулируются неосуществимые задачи, люди могут потерять вдохновение. В своих амбициях важно всегда оставаться реалистом, то есть прагматиком. Польша способна когда-нибудь достичь ВВП на 1 жителя на уровне Германии – так же, как это удалось ирландцам по сравнению с британцами. Но этого не может произойти в течение жизни одного поколения, и даже при самой лучшей политике последних нескольких лет жизни двух и трех поколений может не хватить. Все познается в сравнении. Так, Испании удалось приблизиться к уровню ВВП на 1 жителя, которым довольствуются французы (35600 дол.), а португальцам (соответственно, 23700 дол.) не удалось достичь этого показателя относительно Испании (31000 дол.). Отсюда следует постулат для политики экономического развития: умейте оценить свои силы. Главное – не переоценить свой потенциал, в противном случае не сумеете найти возможности для реализации собственных целей.

Речь идет не о том, чтобы ограничивать человеческие потребности. Следует всяческими способами добиваться удерживания необходимой, с точки зрения их удовлетворения, общественной гармонии между нарастанием старых и появлением новых потребностей и реальными возможностями их удовлетворения.

Поскольку в самом широком измерении вещь сводится к длительной максимизации степени общественного удовлетворения от экономической активности, то следует посмотреть на Новый Прагматизм сквозь призму целей общественно-экономического развития, определив его сущность и методы.

Удовлетворение потребностей людей при их полной “удовлетворенности жизнью” – это цели развития согласно ценностям Нового Прагматизма. Рост ВВП – это средство достижения цели, а не цель. Самое время высокоразвитым странам уходить от максимизации дохода, и прежде всего – от взвинчивания ВВП. Если увеличивающиеся в течение полувека доходы не повлияли на рост степени удовлетворенности жизнью богатых американцев, то зачем так мучиться и нести дополнительные расходы (также в виде увеличения продолжительности рабочего времени), еще больше уничтожая окружающую природную среду? [4].

Кстати, кое-что интересное в этом направлении уже происходит. Даже во время президентской избирательной кампании в США в 2012 г. уже меньше говорилось о количестве, а больше – о качестве, меньше – о самом росте производства, а больше – о других аспектах разумного ведения хозяйства (например, о финансовом и торговом равновесии, публичных услугах, трудоустройстве), хотя и по-прежнему слишком мало – о культуре и среде. Взгляды трансформировались под влиянием кризиса, но отчасти и путем эволюции образа мышления. Это хорошо, ведь мы становимся свидетелями принципиального переформулирования целей общественно-экономического развития. В будущем главными приоритетами будут не сама максимизация доходов, а увеличивающаяся удовлетворенность от сбора и распределения плодов этого роста, а также нематериальные ценности.

Допускается мысль: если бы в США пропорции доходов складывались так, как в Скандинавских государствах (что я считаю абсолютно невозможным с учетом американских ценностей), то ощущение взаимного доверия между людьми могло бы вырасти на 75%, а количество случаев психических расстройств – уменьшиться на 2/3. Количество подростков, у которых рождаются дети, сократилось бы на половину, а количество заключенных – на 3/4. Как результат, люди жили бы не только дольше, но и счастливее, поскольку их рабочее время могло бы сократиться на 1/6, то есть в сумме – на 2 месяца в году [5].

США – не пуп Земли и уже никогда не получают такую способность навязывать свои ценности другим, как непосредственно после окончания “холодной войны”.

Но изменения, совершаемые там, имеют значение не только для американцев, но и для других людей, которые все время равняются на эту страну и мечтают достичь уровня жизни ее граждан. Кроме того, подавляющее большинство влиятельных книг по экономике и другим общественным наукам появляется на английском языке именно в США.

В таком контексте позитивным является тот факт, что количественная экспансия в виде традиционно понимаемого экономического роста ослабевает при превышении показателем ВВП порога около 20 тыс. дол. на 1 чел. Даже если окажется, что в условиях нынешней научно-технической революции динамика гаснет на высшем количественном уровне (скажем, 30 тыс. дол. в нынешних ценах), то нужно будет радоваться, поскольку вырастут шансы на выживание окружающей природной среды и больше времени будет посвящаться дальнейшему технологическому прогрессу, уменьшающему чрезмерное потребление невозобновляемых запасов. Следовательно, стоит радоваться еще и потому, что при более свободном количественном росте экономисты и политики обратят больше внимания на другие аспекты, которые решат вопрос качества жизни и соответствующей степени удовлетворенности ею?

Я предлагаю другой измеритель хозяйственного прогресса, определяя его как Интегрированный Показатель Благополучия (ИПБ) [6], — как почтовый индекс, указывающий, в какую сторону направляться, чтобы не потеряться. Лишь отчасти он зависит от ВВП, поскольку ценность такого комплексного показателя определяют и другие факторы. Детальнее ИПБ состоит из:

- 1) уровня ВВП (40%);
- 2) субъективной сферы самочувствия, связанной с общей степенью удовлетворенности жизнью (в том числе и уровнем социальных услуг), а также с оценками дальнейших перспектив (20%);
- 3) оценки состояния окружающей природной среды (20%);
- 4) оценки свободного времени и наполняющих его культурных ценностей (20%).

В этом предложении — достаточно безапелляционном — речь идет не о деталях, а о направлении поисков. Выход из нынешней сложной ситуации условный, поскольку он является императивом определения целей экономического развития. Не опираясь, следовательно, на ИПБ, который едва ли выступает общей концепцией, а служит скорее заоперационализированным измерителем, в этой фазе можно высказаться за самое широкое (если это возможно, повсеместное) применение показателя человеческого капитала — IHDI, исправленного под углом зрения неравенства в распределении доходов. Настало время напомнить политикам, что к этой задаче надо подойти очень внимательно.

Представим себе, что в ближайшем и таком желаемом для нас будущем в американской Палате представителей и британском Парламенте, в немецком Бундестаге и испанских Кортесах, в бразильском Сенате и даже в Общекитайском Собрании народных представителей депутаты дискутируют о способах увеличения ценности человеческого капитала и лимитирования неравенства в доходах. Представим себе, что идея о том, как увеличить IHDI, является главным пунктом спора между претендентами в Белый дом на выборах 2020 г. в США или обсуждения при широко открытых дверях представителей Политического офиса Коммунистической Партии Китая в 2022 г. (будет существовать и будет править). Представим себе депутатов Сейма Республики Польша и российской Думы, которые спорят не об интерпретациях исторических событий или ограничениях прав сексуальных меньшинств, а о направлениях институциональных решений, а также об инструментах макроэкономической политики в отношении IHDI, ведущих к его увеличению, хотя бы по-

тому, что знают, что от этого будут зависеть их дальнейшие политические судьбы. Или такое трудно представить? Или это все еще политико-экономическая научная фантастика?

Чтобы это стало реальностью (а особенно если бы за предложениями экономики как нормативной дисциплины следовали соответствующие действия экономической политики), необходим охват сущности экономики умеренности — именно об этом идет речь в концепции Нового Прагматизма.

Экономика умеренности — это приспособление человеческих, природных, финансовых и вещественных потоков к требованию сохранения динамического равновесия. Бурные изменения последних нескольких десятков лет вызваны как глубоким неравновесием на разных временных отрезках, так и его последствиями на каждом из них. Нас окружает экономика перманентного неравновесия, поскольку все время или чего-то слишком много, или чего-то не хватает. Что-то одно есть в избытке, что-то другое — в дефиците.

В будущем нам нужна экономика умеренности, а не эксцессов, дефицитов, неравновесия и кризисов. Все это еще неоднократно случится с человечеством и с национальными экономиками, но это должны быть исключения, а не правила. Правилами должны стать умеренность и приспособление к реальным возможностям экономического роста. Правилами должны стать умеренные различия в доходах, а не крайности, истощающие большие толпы людей и приводящие к последующим революциям. Правилom должна быть умеренность в маркетинговом безумии, образующем потребности, полностью оторванные от реалий эффективного спроса. В конечном итоге, правилom должна стать умеренность в переработке очередных кусков матушки Земли в товары, которые должны быть выгодно проданы их производителями, хотя владение ими и их потребление уже не вызывают удовлетворения потребителей.

Не хватает сырья и бюджетных доходов, зато в избытке — мусора и всевозможных задолженностей (начиная с домашних хозяйств и фирм и заканчивая целыми государствами). Не хватает технологий изготовления чистой и возобновляемой энергии и одновременно в избытке — технологий производства оружия массового поражения. Достаточно банков со сверхликвидностью, готовых предоставлять кредиты наивным потребителям, но не хватает кредитов для малых предприятий, поскольку их контролировать труднее. Во многих странах и регионах очевиден избыток людей, которых нельзя прокормить, а где-то продолжается обезлюднение территорий, до недавнего времени процветавших. В некоторых экономиках, на волне спекулятивного “пузыря” на рынке недвижимости, в избытке настроили домов и квартир, на данный момент пустующих, поскольку их некому продать, и в то же время там достаточно людей, живущих в палатках.

В одних отраслях не хватает рабочих рук, в других — их в избытке. В одних местах расточаются излишки продовольствия, а где-то его не хватает даже для удовлетворения элементарных потребностей в нем. В некоторых больницах врачи скучают от безделья из-за того, что не хватает пациентов, а в других они не успевают спасти человеческие жизни.

Если брать в целом, то в развитых странах на рынке существуют избыток предложения потребительских товаров и одновременно — дефицит покупательной способности. В потребленческих обществах бесспорна гипертрофия потребностей и очевиден дефицит экономических возможностей их удовлетворения. Тогда как подавляющему большинству людей все время не хватает денег, чтобы купить необходимое, многих предпринимателей “обременяет” избыток производительных сил,

которые они не могут выгодно эксплуатировать, поскольку некому продавать товары, которые, возможно, будут произведены. Из всего этого можно сделать вывод, что в зависимости от той или иной точки зрения всего или слишком много, или слишком мало. С этим согласятся даже экономисты.

В современной экономике наибольший дефицит дает о себе знать там, где нужно сохранять умеренность. Повсеместно не хватает умеренности. И именно ее в перспективе должно быть больше всего. Это и есть один из фундаментальных канон политический экономии будущего. Необходимо создать механизмы уравнивания потоков и хозяйственных запасов. “Не изобретайте велосипед! — может сказать кто-то из вас, — здесь нет никакой новизны”. На самом деле в предлагаемом здесь подходе много нового, поскольку он ни в коей мере не исходит из иллюзорных принципов, присущих некоторым другим течениям в экономике и заключающихся в том, что рыночные денежные механизмы способны решать проблемы дефицитов и излишков, то есть динамически уравновесить экономику. Если бы это было так, то мы бы не погрузились в тот хаос и замешательство, в которых находимся, а давно добились бы эпохи благосостояния.

Когда-то — в другой фазе цивилизации и при намного более низком уровне общего развития — в некоторых странах пытались преодолеть этот синдром путем применения централизованного приказного планирования, для чего требовались национализация средств производства и бюрократический контроль хозяйственных процессов. Теоретически такие шаги должны были исключить расточительные кризисы перепроизводства, свойственные плохо урегулированной капиталистической экономике, а на практике привели к возникновению социалистической экономики, которая характеризовалась структурными дефицитами. Выдающийся венгерский экономист Я. Корнай трактовал дефицит как главный, конституирующий признак этой системы и назвал ее “экономикой дефицита” [7]. Из такой неэффективной системы удалось выйти почти везде — кроме Кубы и Северной Кореи, и на сегодня нет опасений относительно того, что кого-то соблазнит повторное испытание государственным капитализмом и приказным планированием как инструментами уравнивания экономики.

Однако само преодоление синдрома дефицита путем постсоциалистической трансформации уклада от плана к рынку никоим образом не решило проблему недостаточности общего равновесия. Даже в странах, которые никогда не испытывали дефицитов реального социализма, дают о себе знать многочисленные дефициты: как минимум, или экспорта, или бюджетных доходов, или каких-то специалистов, или определенных материалов и т. д. При этом, не говоря уже о здравом смысле, всегда не хватает времени, хотя в общественном масштабе его расточительство весьма существенно. Вместе с тем все время чего-то слишком много. Мало что в этом мире пребывает в состоянии такого перманентного неравновесия, как экономика.

Следует сразу сказать, что, судя по сущности экономики, то же самое будет происходить и в будущем. Лучше или хуже, но механизмы уравнивания потоков спроса и предложения действуют недолго даже в больших временных промежутках определенных типов потребностей и возможностей их удовлетворения, а равновесие может быть только переходным периодом. Нормальное состояние экономики — это перманентное неравновесие с кратковременными эпизодами, когда линии предложения и спроса, производства и продажи, доходов и расходов пересекаются. **В этом вся ее реальность.** Только в теоретических моделях достичь равновесия очень легко, ведь то, что должно пересекаться на наглядных диаграммах, всегда пересекается в нужном месте.

Не стоит драматизировать по этому поводу, ведь экономика имеет в своем распоряжении и имманентные корректирующие механизмы. Когда доходит до слишком большого отклонения от состояния равновесия, начинают действовать силы, корректирующие диспропорции. Но, к сожалению, в реальности нередко это происходит слишком поздно или с недостаточной силой, или упускается момент равновесия в том смысле, что из состояния недостаточности определенная категория переходит в состояние избытка, или наоборот. Понятно, что в таком случае повышаются издержки хозяйствования и снижается его эффективность. Рыночные корректировки необходимо то провоцировать, то ускорять, иногда укрепляя или тормозя. Одним словом, они нуждаются в регулировании. Кто должен этим заниматься, если не государство?

Государственное вмешательство в рыночную интенсивность движения разных потоков (доходов и расходов, предложения и спроса) и изменений в объеме запасов необходимо. Целесообразно прекратить идеологические споры на эту тему и сконцентрировать внимание на техниках того же интервенционализма. В противном случае можно принести больше вреда, чем пользы, поскольку интервенционализм — занятие рискованное. Чтобы избежать ошибок, связанных с этим риском, неолиберализм предлагает оставить все как есть, не вмешиваясь в рыночные процессы, — ведь они имеют способность к саморегуляции, то есть к автоматическому уравниванию. А государственный капитализм, излишне вмешиваясь в ведение хозяйства, снижает его эффективность.

Новый Прагматизм требует хорошо взвешенной роли государства и межгосударственной координации экономической политики, которые должны корректировать рыночные механизмы, а иногда и укреплять их.

Следует также оптимизировать сферу и инструменты государственного интервенционализма и вместе с тем не путать средства хозяйственной политики с ее целями. Неустанная забота о равновесии во всех ее проявлениях — очень важный вопрос, но это всего лишь средство политики, а целью ее является развитие. Уравнивание экономики должно способствовать этому развитию, а не тормозить его.

Но каждая акция вызывает ответную реакцию. Штабы специалистов — главные юристы в крупных фирмах — рассуждают, как поступать согласно праву (то есть в соответствии с постоянно меняющимся регулированием) и при этом оставаться при своих интересах. Должно быть рентабельно, должно быть легально, не может быть неморально — это три святых принципа Нового Прагматизма. Должно быть морально, не должно быть рентабельно (будет в согласии с правом, поскольку мы его представляем) — это признаки государственного капитализма. Должно быть рентабельно, должно быть легально, может быть неморально — это три канона неолиберализма. Как настойчиво и в значительной степени эффективно можно добиваться соблюдения интересов определенных групп (особенно финансистов), можно проследить на попытках и результатах свершившихся законодательных изменений в ответ на кризис в США в 2008–2011 гг. [8]. Как следствие, попытки корректировать ситуацию во многих случаях ведут к ее ухудшению с точки зрения общегражданского дела.

Это трюизм — считать, что государство, стремящееся корректировать рынок, не “портит” его еще больше. Случается так, что государство сводит на нет возможность достижения желаемых результатов. Ведь ошибается не только рынок, но и правительства, а также центральные банки. Причем нередко. Правительственное регулирование (а в эпоху неизбежной глобализации — также межправительственное и всемирное) нередко реагирует на вызовы из прошлого. А между тем речь идет

о будущем. Регулирование должно препятствовать провалам, ошибкам, погрешностям, махинациям, мошенничеству, которые могут возникнуть в будущем, а не тем, которые уже произошли. За это извиняются, отчитываются, освобождают, наказывают, заключают в тюрьму. Можно провести аналогию с авариями и катастрофами, после которых усиливается технический контроль, — вместо того, чтобы сделать это заранее, предотвратив причины потенциальных несчастий.

Упал самолет — проверяется техническое состояние всех самолетов, которые не падали, в то время как достаточно было бы проверить отдельные из них перед несчастным случаем. Большое наводнение прорвало неконтролируемый заградительный вал — по факту контролируются все такие валы, тогда как хватило бы проверки слабых мест заранее, чтобы избежать катастрофы.

Государственный интервенционализм в системном применении должен верифицировать фундаментальные недостатки рынка и корректировать эксцессы в сфере преувеличенно неравномерного распределения доходов, а не стараться подменять рынок в его аллокационных функциях. Интервенционализм должен отрешиваться от обобществления частных потерь. В будущем сложность рыночных процессов может упрощаться за счет злоупотребления интервенционализмом с целью увеличения выгоды для все более распространяющегося частного предпринимательства. Парадоксально, но в настоящее время появляется все больше способов перебрасывания расходов частного капитала вследствие неудач на плечи налогоплательщиков. Но это одна сторона медали.

Есть и другая. Во всех типах рыночной экономики (но, наверное, чаще в государственном капитализме, чем в неолиберальном) распространяется так называемый “клиентелизм”, когда государственное регулирование и правительственная политика “выслуживаются” перед политическим, бюрократическим и бизнесовым кругами — вместо того, чтобы корректировать недостатки рынка. Это имеет столько же общего с рьяным интервенционализмом, как неолиберальные подделки — с честными, добросовестными интересами.

Противопоставить себя такому положению дел может только общество, хорошо организованное в сильном институциональном государстве, в основе деятельности которого лежит прогрессивная законность. Именно поэтому неолиберализм стремится к “малому” или “дешевому” государству, ведь “небольшое” и “недорогое” — означает “слабое”. Если государство может быть относительно небольшим без ослабления своей интервенциональной функциональности, то выбирать нужно именно такое направление. Если же это невозможно, то нужно быть “большим” или “дорогим”, поскольку за ценные публичные услуги (также и в виде гарантирования законности) нужно платить больше, чем за товар плохого качества.

Если хотят добиться регресса в рыночной экономике, то достаточно запустить механизмы необузданной свободы. В данном случае ее печальное будущее станет лишь вопросом времени. Если же целью является прогресс, то уместны будут лишь соответствующее регулирование и взаимодействие с государственной интервенцией. В длительном периоде и в макроэкономическом масштабе в этом может помочь разработка стратегических индикативных планов, которые бы с течением времени расширили временной горизонт на последующие годы — с тем, чтобы не сокращать перспективу. В будущем на высоте окажутся те государства и региональные интеграционные группировки стран, которые сумеют лучше воспользоваться этим инструментом.

В отличие от корпораций частного капитала, которые нередко желают сохранять свои стратегические планы в тайне (ведь каждая порядочная корпорация имеет собственные планы), в случае с государствами и их связями познание далеко

идуших намерений каждого из них ни в чем не навредит их конкурентоспособности, а за счет общей мобилизации (в том числе и конкурентов) — может еще больше способствовать развитию.

Стоит также отметить, что как США не справятся без соответствующего стратегического плана по формированию публичных финансов, пребывающих в плачевном состоянии, так и Европейский Союз не сможет упорядочить свои интересы в финансовой сфере. Понимают это и китайцы, которые форсируют проблему как бы с другой стороны, все время основываясь на макроэкономическом пятилетнем планировании, но уже не приказном, а стратегическом и индикативном. С каждым последующим периодом (на данном этапе реализуется уже двенадцатый пятилетний план — на 2011–2015 гг.) экономика становится менее плановой и более рыночной. Индикативное планирование применяется также в Индии, которая не отказывается от этого инструмента управления развитием экономики, вместе с тем на протяжении нескольких лет — спокойно и разумно, без неолиберальных эксцессов — ее дерегулирует.

На фоне всех приведенных рассуждений нетрудно прийти к выводу, что Новый Прагматизм согласовывается с ранее проанализированной гипотезой компенсации, где речь идет о том, что чем больше развита глобализация, тем “больше” государство, то есть отношение общественных расходов к национальному продукту растет. Естественно, здесь имеется в виду отношение их суммы к мировому валовому продукту, а следовательно — к сумме валовых продуктов всех стран. Среди них будут и такие, где сбалансированному развитию поспособствует сокращение расходов, а в других случаях возникнет требование увеличить фискальный масштаб перераспределения.

Одним из атрибутов метода, который здесь описывается, является более глубокое распознавание механизмов и силы влияния процессов, которые в будущем приведут к той или иной ситуации, а не само прогнозирование этих ситуаций. Речь идет о демонстрации динамичных путей к будущему, то есть способов достижения задуманных целей, а не самого статичного будущего. Ценными методами экономической мысли о будущем, благодаря которым мы приходим к целесообразным предложениям и правильным решениям, являются вариативные ожидания, альтернативные сценарии, размышления в виде прогнозов, а также микроэкономические эксперименты.

Такой методологический подход никоим образом не ликвидирует риска ошибки полностью, но ограничит его масштаб, поскольку вероятность возникновения непредсказуемых событий (особенно в более отдаленном будущем) больше, чем возможность возникновения непредсказуемых процессов. Ведь многие из них уже укоренились и продолжают до сих пор. Будущих событий еще нет, и некоторые из прогнозируемых, по-видимому, вообще не возникнут, но при этом многие процессы (и в том числе те, о которых мы знаем очень мало, поскольку в свое время не сумели обратить на них достаточно внимания) уже стартовали и происходят.

Новый Прагматизм выражает стратегический подход к будущему. Ему не чужды ни направления глобальных видений, ни более или менее популярные видения предостерегающих прогнозов, однако он подходит к будущему принципиально активно. Хорошая экономика — это не только описание мира, но и инструмент его изменения к лучшему. Принимая во внимание долгосрочные, перспективные тенденции развития, целесообразно прорабатывать полезные стратегии в их желаемой направленности, что, в свою очередь, облегчит решение не одной проблемы и поможет избежать не одного экономического несчастья.

Итак, Новый Прагматизм — это нормативное следствие описательной трактовки, которую я представил ранее как теорию коинцидентности развития [9]. Она

акцентирует значение определенного (всегда конкретного, но разнообразного во времени и пространстве) совпадения детерминантов развития. Именно это сжато выражает сентенция о том, что все происходит как происходит, поскольку многое происходит одновременно. Этот принцип обязывает нас всегда пребывать в будущем. Исходя из описания, анализа и интерпретации того, что произошло в прошлом и что происходит в настоящее время, мы приходим к оцениванию и постулированию действий, которые в будущем должны образовать такое положение вещей (то есть явлений и процессов), чтобы они действовали в желаемых направлении и темпе общественно-хозяйственного развития.

Совпадение, наложение и проникновение разнообразных факторов являются именно тем многослойным, гетерогенным “магическим камнем”, который в будущем сможет сделать то, что в иных случаях казалось невозможным.

Список использованной литературы

1. *Berg A.G., Ostry J.D.* Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? // IMF Staff Discussion Note, SDN/11/08, International Monetary Fund. — Washington, DC. — 2011. — April 8th.
2. *Sztompka P.* Zaufanie. Fundament społeczeństwa. — Kraków : Wydawnictwo Znak, 2007.
3. *Kołodko Grz.W.* Cele rozwoju a makroproporcje gospodarcze. — Warszawa : Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1984.
4. *Bok D.* The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well Being. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2010.
5. *Wilkinson R., Picket K.* The Spirit Level — Why More Equal Societies Almost Always Do Better. — London : Penguin, 2009.
6. *Kołodko Гжегож В.* Мир в движении. — М. : Магистр, 2011. — 574 с.
7. *Kornai Ja.* Economics of Shortage. — Amsterdam : North-Holland, 1980.
8. *Suskind R.* Confidence Men. Wall Street, Washington, and the Education of a President. — New York : Harper, 2011.
9. *Kołodko Grz.W.* Wędrujący świat. — Warszawa, 2008, s. 315–332.

References

1. Berg A.G., Ostry J.D. Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? IMF Staff Discussion Note, SDN/11/08, IMF, Washington, DC, 2011.
2. Sztompka P. Zaufanie. Fundament społeczeństwa. Kraków, Znak, 2007.
3. Kołodko Grz.W. Cele rozwoju a makroproporcje gospodarcze. Warszawa, Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1984.
4. Bok D. The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well Being. Princeton, Princeton Univ. Press, 2010.
5. Wilkinson R., Picket K. The Spirit Level — Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London, Penguin, 2009.
6. Kolodko Grz.W. *Mir v dvizhenii* [Moving World]. Moscow, Magistr, 2011 [in Russian].
7. Kornai Ja. Economics of Shortage. Amsterdam, North-Holland, 1980.
8. Suskind R. Confidence Men. Wall Street, Washington, and the Education of a President. New York, Harper, 2011.
9. Kołodko Grz.W. Wędrujący świat. Warszawa, 2008, s. 315–332.